

Булучевская Е. А., аспирант

Научный руководитель: Шауб И. Ю., д.и.н., профессор

Русские эмигранты и резиденты в Италии (1900-е – 1920-е гг.) и Данте.

Аннотация:

Данте для русских эмигрантов и резидентов Италии 1900–х – 1920–х гг. служил символом изгнанничества. История обращения русской эмиграции к наследию Данте – история неопубликованных переводов и незавершенных научных работ. Дантовская тема воплотилась в исторических исследованиях (В. Н. Забугин), переводах (Вяч. Иванов, Б. К. Зайцев, В. Ф. Эрн), поэтическом воспевании «городов Данте» - Флоренции и Равенны (В. А. Сумбатов, П. П. Муратов, А. А. Блок). Романтизация образа Данте и его произведений во многом формировала единую духовную основу рассредоточенной русской эмиграции в Италию в 1900-х – 1920-х гг.

Ключевые слова: Данте, русская эмиграция, Италия, В.Н. Забугин, Вяч. Иванов, Б.К. Зайцев, В. Ф. Эрн, В. А. Сумбатов, П. П. Муратов, А. А. Блок.

Buluchevskaia E. A.,

Ph. D. student

Russian emigrants and residents in Italy (1900-s – 1920-s) and Dante.

Summary:

For Russian emigrants and residents of Italy during the 1900-s – 1920-s Dante was like a symbol of life in exile. The history of their interest to Dante's body of work is a history of unpublished translations and unfinished research papers. Dante's theme was embodied in historical researches (V. N. Zabughin), translations (V. Ivanov, B. K. Zaytsev, V. F. Ern), poetic antheming of "Dante's cities" – Florence and Ravenna (V. A. Sumbatov, P. P. Muratov, A. A. Blok). Idealization of Dante and his works formed a unified spiritual foundation for a dispersed Russian emigration to Italy during the 1900-s – 1920-s.

Key words: Dante, Russian emigration, Italy, V.N. Zabughin, V. Ivanov, B. K. Zaytsev, V. F. Ern, V. A. Sumbatov, P. P. Muratov, A. A. Blok.

Одним из основных мотивов эмиграции деятелей русской культуры в Италию (особенно после 1917 г.) был сформировавшийся в их сознании идеализированный образ родины Данте. Несмотря на рассредоточенность русской эмиграции в Италии, писателей, поэтов и переводчиков сплотил их интерес к личности и наследию Данте. Среди них — эмигранты (Вяч. Иванов, В. Н. Забугин, В. А. Сумбатов) и резиденты, на творчество которых существенно повлияло их пребывание в Италии (В. Ф. Эрн, Б. К. Зайцев, П. П. Муратов, А. А. Блок).

Источниками для исследования темы «Вяч. Иванов и Данте» являются, в первую очередь, фонды Римского Архива Вячеслава Иванова и Института русской литературы (Пушкинского дома), где хранятся фрагменты незавершенных Вяч. Ивановым и В. Ф. Эрном переводов произведений Данте. Фрагменты «Пира» Данте были впервые опубликованы в сборнике статей “Europa Orientalis” [9], «Божественной комедии» — в антологии «Данте: pro et contra» [10, с. 836–842]. В монографиях и статьях П. Дэвидсон [21; 22], Л. М. Баткина [5], А. А. Асояна [4], К. Ю. Лаппо-Данилевского [15], И. Н. Голенищева-Кутузова [7;8], А. Б. Шишкина [20] исследуются различные аспекты воплощения дантовской темы в творчестве Иванова. В. Н. Забугин посвятил Данте еще не переведенную на русский язык монографию «Дантовский загробный мир классического средневековья в эпоху Возрождения» [24]. В творчестве В. А. Сумбатова дантовская тема воплотилась в его поэтическом наследии и неопубликованных переводах. П. П. Муратов воспел Флоренцию Данте в «Образах Италии» (1911—1912) [16], А. А. Блок — в «Итальянских стихах» (1909). Для Б. К. Зайцева пребывание в Италии определило главный интерес его жизни — перевод «Ада» Данте [12, с. 305—492].

На фоне значительного корпуса источников и историографии необходимо выделить специфику восприятия Данте русскими эмигрантами и резидентами Италии первой половины XX в. Именно на родине Данте представители русской культуры особенно остро осознавали свое изгнание, сопоставляя мироощущение Ренессанса и современной им Европы, личные судьбы и жизненный путь создателя «Божественной комедии».

Владимир Николаевич Забугин (1880—1923) – историк, журналист и музыкант, покинул Россию в 1903 г., получив стипендию для работы в Ватиканской библиотеке Рима. После первой русской революции ученый остался в Италии, а с 1912 г. Забугин стал одним из ведущих преподавателей гуманистической литературы в Римском Университете. В 1910-х гг. ученый публиковал работы по истории итальянского Возрождения и гуманизма, неизменно подчеркивая значение христианства для изучаемой им эпохи. Сегодня труды Забугина о Данте считаются классикой итальянской науки, однако в XX в. они были малоизвестны. Незначительное влияние работ Забугина на итальянскую культуру связано с качеством их издания после гибели ученого (Забугин погиб в 1923 г. в горах северной Италии): текст не был отредактирован, в нем отсутствовали указатели и примечания.

Среди трудов историка, посвященных изучению Данте, выделяются две монографии — «Вергилий в эпоху итальянского Возрождения от Данте до Торквато Тассо» [26; 27] и «Дантовский загробный мир классического средневековья в эпоху Возрождения» [24]. В Работе о Вергилии — продолжении сочинения Д. Компаретти «Вергилий в Средние века» — Забугин писал: «На Данте заканчивается повествование Компаретти о судьбе исследований по Вергилию в Средние века, и от Данте начнется наш путь под руководством мантуанца по гуманистической эпохе Италии до первых лет XVII века» [26, V.I, p.29]. В издании «Вергилия...» 2000 г. А. Кампана подчеркнул: «у первого [Компаретти — Е. Б.] синтез в виде исторической фрески, а у второго [Забугина — Е. Б.] тщательный и подробный анализ огромного числа фактов до самых малых и микроскопических» [27, р. XVIII]. По словам Забугина, главной целью его исследования являлась необходимость «показать, иногда под микроскопом, через какие научные и филологические опыты проходит литературный “метемпсихоз” от Вергилия к Данте и от

Данте к Тассо» [26, Vol. I, p.14]. Тема загробной жизни также ярко воплотилась в работах «Данте и иконография загробного: искусство византийское, романское, готическое» [23] и «Четыре дантовских иероглифа» [25].

Монография «Дантовский загробный мир классического средневековья в эпоху Возрождения» объединяет основные выводы Забугина относительно рецепции темы загробного мира в «Божественной комедии» в XIV — XV вв. Работа историка делится на восемь глав: «Античный и средневековый мир у Данте», «Ранние последователи и противники Данте», «Франческо Петрарка и Джованни Боккаччо», «Данте и гуманистическое мышление», «Эпигоны Данте до Федерико Фреcci», «Федерико Фреcci», «Литературные видения XV века», «“Экстатический” и “теологический” загробный мир XV века». Ввиду того, что монография В. Н. Забугина не переведена на русский язык, приведем ее отдельные фрагменты, отражающие прекрасное знание итальянского языка и выразительный стиль авторского повествования. Так, Забугин завершает первую главу следующими словами:

«“Божественная комедия” — изумительная средневековая картина, обрамленная светлой рамкой античности. Поэт абсолютно прав, когда признает заимствование у Вергилия в первую очередь “прекрасного стиля”. Античный материал служит ему, как позже будет служить он Ариосто, непревзойденным образцом поэтического мастерства, отменного стиля, мощной “узды искусства”. Средневековый же материал служит ему грубой кладкой, из которой создает он грандиозный собор эпоса. Однако было бы несправедливо утверждать, что средневековые легенды могли быть для Данте чем-то большим, чем был для Микеланджело мрамор Луниджаны, который он с таким трудом искал. Эти легенды были для совершенного поэта именно тем, чем позже для Ариосто станут романы каролингского и артуровского циклов — источниками вдохновения, родниками сладостной, свежей поэзии, или грустной, или радостной, но всегда наполненной яркими красками и благоухающей здоровьем и лесным ароматом. Никто никогда не смел отрицать, что Лодовико прекрасно разбирался в вопросах, связанных с Францией; в случае Данте, которого представляли величайшим человеком и поэтом, со взглядом через микроскоп педантов-карликов хотелось бы отвергнуть то, что даруется всем гениям: право использовать сокровища предшествующей традиции. И какой традиции! Живой, прочной, стойкой на протяжении всего Возрождения, вплоть до Тассо! Традиции, безжалостно уничтожившей все или почти все дантовские “нововведения” и заставившей деятелей эпохи Возрождения и Барокко, восхищавшихся Данте, смотреть на загробный мир взглядом классиков и средневековых визионеров» [24, p.22].

«Данте не испытывал ни малейших угрызений совести, изучая языческих поэтов. Последние годы его жизни были отмечены более “гуманистическими” сочинениями: “Эклогамы”. Он “был шестым среди мудрости такой” — блестящей школы поэтов-классиков не только на цветущем лугу Первого круга Ада, но также и в Эмпирее.

Он оставляет позади себя Вергилия и Стация; его сопровождает лишь Бернард: но он [Данте — прим. Е. Б.] вырывается вперед, живой поэт, простой мирянин, вплоть до непосредственного созерцания Божества, до того созерцания, которым наслаждался издали, с небес, монах Альберико. Он [Данте — прим. Е. Б.] несколько не сдерживался в приукрашивании античных наказаний и предостережений, присущих Чистилищу: эта была попытка, не считавшая изучение античных поэтов губительным для благоденствия христианской души. Конечно, в восхитительной гармонии его [Данте — прим. Е. Б.] души, слишком страстной и потому зачастую мучаемой, стремление к познанию античности было частью бесчисленных “страстных желаний”, формировавших пирамиду, о которой мы уже размышляли ранее, и на вершине которой находится крайний предел, Бог. Именно в этом смысле Данте станет основоположником христианского Возрождения» [24, p. 72].

Последний тезис историка получил свое развитие и в монографии «История христианского Возрождения в Италии» [28], дополнившей «Вергилия...». Таким образом, Данте для В. Н. Забугина — главный объект исследований ученого. Историк проанализировал своеобразие личности и наследия Данте, отражение мотива загробного мира в «Божественной комедии», рецепцию дантовского Ада в художественных произведениях XIV — XV вв.

Характерный для Забугина интерес именно к «Аду» Данте был свойственен и для Бориса Константиновича Зайцева (1881—1972), работавшего над переводом «Ада» с 1913

г. до 1961 г. (когда «Ад» наконец был опубликован). Зайцев справедливо считается французским иммигрантом (в 1922 г. эмигрировал в Берлин, в 1923 г. — в Париж), однако именно итальянский период его жизни (1904—1911) непосредственно повлиял на главный научный и творческий интерес писателя. В 1912—1917 гг. П. П. Муратов, посвятив Б. К. Зайцеву «Образы Италии», посоветовал ему перевести дантовский «Ад» ритмической прозой. Зайцев быстро освоил итальянский язык: его учителем выступил Э. Ло Гатто — основатель итальянской русистики и переводчик. Спустя много лет Зайцев писал Ю. О. Домбровскому: «<...> Единственный иностранец, с которым на “ты”, — профессор Ло Гатто, итальянец, по-моему, русскую литературу и Россию любит больше, чем Италию. Всю жизнь переводит Пушкина» (Париж, 1 марта 1970 г.) [18].

К 1918 г. перевод «Ада» был завершен, в 1922 г. в свет вышла брошюра «Данте и его поэма» [11] — предисловие к тексту перевода. Задачей Зайцева была передача духа дантовского произведения посредством особой языковой стилистики. Вероятно, выбор ритмической прозы был обусловлен не только советом П. П. Муратова, но, в первую очередь, влиянием А. Белого, чьи «Симфонии» (1900 — 1908), а также ряд последующих произведений, были выдержаны в аналогичной стилистике. Зайцев облек изящество дантовской поэзии в строгую прозаическую форму. Ритмическая проза встречается и в античной литературе (например, в романе «Дафнис и Хлоя» (II в.), и в средневековой (лауда «Песнь о Солнце» Фр. Ассизского (ок. 1225)). По мысли Зайцева, при переводе необходимо было учитывать контекст той эпохи, когда создавалась «Божественная комедия». Именно ритмическая проза воспринималась переводчиком как наиболее органичная форма подачи материала: «Перевод Лозинского виртуозен, — писал Б. К. Зайцев Б. Л. Пастернаку, — но звука Данте нет, несмотря на терцины, в Данте не было никакой виртуозности. Он вполне первозданен, даже дик. Не знаю, удалось ли мне дать этот отзвук...» (Париж, 5 апреля 1959 г.) [18]. Перевод Б. К. Зайцева вышел в свет в Париже лишь в 1961 г., однако писатель был рад столь длительной и кропотливой работе над Данте, что отметил в письме Буниным: «<...> перевел его 25 лет назад, трижды получил под него авансы, трижды издательства разорялись войнами и революциями, а теперь я рад, что он не вышел в прежнем виде. Это было бы неприятно мне теперешнему» (Париж, апрель 1943 г.) [18].

Невозможно раскрыть тему «Данте и русская эмиграция», не рассматривая творчество Вяч. Иванова. Интерпретациям дантовских образов и мотивов посвящено множество работ (П. Дэвидсон, А. А. Асояна, К. Ю. Лаппо-Данилевского и ряда других исследователей), реминисценции из «Божественной комедии» наполняют «Римские сонеты» Иванова. Интерес поэта к наследию Данте (особенно в контексте развития русского символизма) был стойким и выражался не только в поэтическом творчестве. В 1910-х — 1920-х гг. Вяч. Иванов несколько раз обращался к переводам «Новой жизни», «Божественной комедии» и «Пира» Данте, не завершив ни один из них. Перевод «Божественной Комедии» должен был осуществиться в двух редакциях — стихотворной и прозаической. В 1920 г. Иванов заключил соответствующий договор с издательством «Брокгауз — Ефрон», по которому поэт обязался перевести поэму Данте в стихах за три года [13]. О своих планах Вяч. Иванов писал А. Н. Чеботаревской: «<...> писал я Перельману [последнему владельцу издательства «Брокгауз — Ефрон» — Е. Б.], напоминая ему о подписанном мною и издательством Брокгауз — Эфрон в 1920 г. договоре о Данте и о взятом мною авансе и предлагая высылать регулярно песнь за песнью Божественной Комедии с тем, чтобы плата мне также регулярно высылалась, — но на это мое письмо не получил я никакого ответа. Между тем мне было бы крайне желательно вести эту очаровательную и важную работу здесь и создать себе тем правильный заработок; но видно, теперь в России нет возможности приняться за это дело и оно по нашим временам не на очереди спроса. Это очень жаль. Здесь познакомился я со многими итальянскими литераторами, обо мне думают, что я перевел “Чистилище”, и я должен опровергать это мнение <...>» [17, с. 291]

Мысль о переводе Данте Иванов не оставлял в течение многих лет. В письме от 5 сентября 1928 г. А. В. Луначарскому Иванов просил последнего продлить научную командировку в Италию: «<...> мне было бы желательно и отсюда содействовать делу просвещения в Сов<етской> России путем издания моих переводов классической поэзии. Академия Худ<ожественных> Наук уже давно имеет в своем распоряжении часть моего “Эсхила”, за обнаружением которой естественно должно было бы следовать продолжение публикации готового к печати труда. В то же время я был бы счастлив получить от Госиздата заказ на перевод поэмы Данта, мною начатый, — что доньше мне не удавалось» [2].

В Римском Архиве поэта сохранились отдельные фрагменты переводов «Чистилища» и «Пира» [3]. Перевод «Пира» Иванов начинал с философом В. Ф. Эрном (1882 — 1917). Иванов переводил канцоны, а Эрн — философские комментарии к ним [9]. В 1911–1913 гг. Эрн находился в Италии в научной командировке, собирая в Ватиканской библиотеке материалы для диссертации «Розмини и его теория знания». Вяч. Иванова и В. Эрн сплотила любовь к итальянской культуре и общность религиозных исканий. И Эрн, и Иванов, подобно Забугину, полагали необходимым объединить католическую и православную традицию, духовный опыт Запада и Востока. По-видимому, именно следствием идейных и религиозных исканий В. Н. Забугина и Вяч. Иванова стал их переход в католичество по византийскому обряду (1907 г. и 1926 г. соответственно). Л. В. Иванова вспоминала: «В Риме каждый день аккуратно после завтрака, <...> являлся к нам Эрн, и начинались между ним и Вячеславом интереснейшие дискуссии, длившиеся до вечера. Главной темой римских разговоров была апология католичества со стороны моего отца, апология православия со стороны Эрн» [14, с. 51]. Начатая работа над переводом «Пира» была прервана Первой мировой войной. Остался неосуществленным и перевод трактата Данте «Монархия», фрагменты третьей главы которого хранятся в Пушкинском доме [1]. К. Ю. Лаппо-Данилевский предположил, что Эрн и в данном случае мог выступать переводчиком части текста [15]. Кроме того, судя по материалам «Римского архива» поэта, трактат «Монархия» был включен в курс лекций «Данте и Петрарка», читавшихся Ивановым в Баку спустя десятилетие, в 1920–1924 гг., что свидетельствовало о непреходящем интересе Иванова к творению Данте.

Увлечение русских эмигрантов личностью и наследием Данте нашло выражение и в поэзии зарубежья. В стихотворных циклах В. А. Сумбатова и А. А. Блока особое внимание уделено локусам дантовского пространства — Флоренции и Равенне. Князь Василий Алексеевич Сумбатов (1893–1977) эмигрировал в Италию в 1919 г. Он поселился в Риме, в конце 1950-х переехал в Больцано, на север, а позже — в Ливорно (Тоскана). На своей новой родине Сумбатов занимался и дизайном по тканям, и живописью (работал художником в Ватикане), и переводами. Если поэтические сборники Сумбатова («Стихотворения» 1922 г., «Стихотворения» 1957 г. и «Прозрачная тьма» 1969 г.) известны и формируют наше представление о Сумбатове-поэте, то его переводы, за редким исключением, не опубликованы. Переводы Шелли, Леопарди, д’Аннунцио и ряда других поэтов были для Сумбатова увлечением. Он переводил для себя, оттачивая мастерство и подражая в размере стиха А. С. Пушкину (Сумбатов, как правило, использовал тот же размер, что и Пушкин в «Борисе Годунове» (пятистопный ямб с выдержанной цезурой после четвертого слога)). Как свидетельствует Ст. Гардзонио, опубликовавший несколько переводов Сумбатова [6], «<...> известны его [Сумбатова – Е. Б.] переложения нескольких глав “Божественной комедии”... белым стихом» [6]. Одни из самых проникновенных строк посвятил Сумбатов Равенне: «Здесь веет славою нетленной, / Перед которой время — прах. / Здесь вечность грезит вдохновенно, / Заснув у Данта на руках». Поэт перефразировал известные строки А. А. Блока («Ты как младенец спишь, Равенна, / У сонной вечности в руках»). А. Блок кратко посетил Италию в 1909 г., воспев в «Итальянских стихах» Флоренцию и Равенну, а в «Песне Ада» обратившись непосредственно к образу Данте.

Таким образом, каждым русским эмигрантом и резидентом Италии Данте воспринимался, в первую очередь, как символ изгнанничества. Как тонко отметили М. С. Самарина и И. Ю. Шауб, «<...> Дантовское изгнанничество — это глубоко обоснованная нравственная позиция, сознательно выбранный образ жизни, воспринятый писателями первой волны русской эмиграции. Данте — великий индивидуалист и беспощадный оппозиционер системе <...>» [19, с. 21–22]. Русская эмиграция в Италию представляла собой не единое целое, но совокупность ярких индивидуальностей, и Данте для эмигрантов закономерно стал идеалом творческой личности. Для А. А. Блока и В. А. Сумбатова судьба Данте являлась лишь одной из тем их творчества. Для Вяч. Иванова «Божественная комедия» служила неиссякаемым источником поэтических образов символизма.

Б. К. Зайцев — пример резидента Италии, для которого дантовская тема стала магистральной. Перевод «Ада» ритмической прозой отразил тонкое восприятие Зайцевым стилистики «Божественной комедии», контекста и духа эпохи ее создания. Незавершенные переводы Иванова и Эрнэ также отличаются своеобразной формой и стилем передачи дантовского текста.

Исследования историка В. Н. Забугина посвящены теме загробной жизни в «Божественной комедии», а также рецепции данного сюжета в XIV – XV вв. Глубокая и многоплановая разработка темы позволяет говорить о значительном вкладе историка в дантоведение, несмотря на малоизученность его работ. Особое внимание Забугин уделял исследованию языческого и христианского влияний в культуре Ренессанса в целом и в произведениях Данте в частности. Сравнивая эпоху Данте и современность, историк настаивал на необходимости сплочения Запада и Востока, католичества и православия. Данная концепция в 1910-х гг. объединяла В. Н. Забугина, Вяч. Иванова и В. Ф. Эрнэ.

В целом, русские эмигранты и резиденты Италии искали общую идейную основу в далеком прошлом, а не в современности. Эмигранты, в большей или меньшей степени, воспринимали себя изгнанниками — «Данте XX века». Идеализация образа Италии — символа вечной, вневременной культуры, а также романтизация Данте как части этой культуры формировали единую духовную основу рассредоточенной русской эмиграции в Италию в первой половине XX века.

Литература

1. ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 118. Л. 273—275.
2. РГАЛИ. Ф. 279. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 6—7.
3. Римский Архив Вяч. Иванова. Описание 2. Картон 10. Папка 1. Данте Алигьери. «Божественная комедия».
4. Асоян А. А. Данте и русская литература.— Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1989.— 172 с.
5. Баткин Л. М. Данте и его время. Поэт и политика. — М., 1965. — 197 с.
6. Василий Сумбатов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vekrepevoda.com/1887/sumbatov.htm> (дата обращения 5. 01. 2016)
7. Голенищев-Кутузов И. И.. Жизнь Данте и его малые произведения// Данте. Малые произведения. М.: Наука, 1968. С. 448–473.
8. Голенищев-Кутузов И.И.. Данте в России// Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. С. 455–486.
9. Данте Алигьери. Пиршество/ Пер. В. Эрнэ, стихи в переводе Вячеслава Иванова; Публикация В. Кейдана// *Europa Orientalis*. XXII. 2003. № 1. С. 233–295.
10. Данте: Pro et contra. Личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей. Антология.— СПб.: Издательство РХГА, 2011.— 958 с.
11. Зайцев Б. Данте и его поэма.— М.: Вега, 1922.— 32 с.
12. Зайцев Б.К. Собр.соч.: В 11 т./ Сост. Т. Прокопов.— М.: Русская книга, 2000. Т. 8. Усадьба Ланиных. — 512 с.
13. Иванов Вяч. Божественная комедия <Фрагменты>// Данте: Pro et contra. С. 836–842.
14. Иванова Л. В. Воспоминания: книга об отце / Подг. текста и коммент. Дж. Мальмстада.—М.: Феникс, 1992. — 431 с.
15. Лаппо-Данилевский К. Ю. Римские поэты в трактате Данте «Монархия»: неизвестные переводы Вячеслава Иванова // *Русская литература*. 2013. № 2. С. 173–179.
16. Муратов П. П. Образы Италии. В 3 т.— М.: Арт-Родник, 2008.— 1024 с.
17. Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской// Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1997 год/ РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом); Отв.ред. Т. Г. Иванова. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. С. 238–295.
18. Русский «Ад» Бориса Зайцева [Электронный ресурс]. URL: <http://inieberega.ru/node/618> (дата обращения 4.01.2016).
19. Самарина М. С., Шауб И. Ю. Наследие Данте и современность// Данте: Pro et contra. Личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей. Антология. СПб.: Издательство РХГА, 2011. С. 7–28.
20. Шишкин А. Б «Пламенеющее сердце» в поэзии Вячеслава Иванова и дантовское видение «Благословенной жены» // *Дантовские чтения*. 1995. М.: Наука, 1996. С. 95–114.
21. Davidson P. Vyacheslav Ivanov's Translations of Dante// *Oxford Slavonic papers*. Vol. XV. Oxford: Clarendon Press, 1982. P. 103–131.
22. Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's perception of Dante.— Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — 319 p.
23. Zabughin V. Dante e l'iconografia d'oltretomba: Arte bizantina, romanica, gotica. Con centocinquantacinque illustrazioni in tavole fuori testo. — Milano-Roma: L. Alfieri, 1921. — 46 pp.
24. Zabughin V. L' Oltretomba Classico Medievale Dantesco nel Rinascimento. Parte prima. Italia: secoli XIV e XV.— Roma: Tipografia Poliglotta Vaticana, 1922. — 171 pp.

25. Zabughin V. Quattro geroglifici danteschi: Gerione-Lonza, la Corda, il Giunco e il Veltro-Dux-Gran Lombardo// *Giornale storico della letteratura italiana*. № 19–21. 1921.
26. Zabughin V. Vergilio nel Rinascimento italiano da Dante a T. Tasso: fortuna, studi, imitazioni, traduzioni e parodie: 2 voll. Vol. 1: Il Trecento e il Quattrocento. Vol. 2: Il Cinquecento. Bologna: Nicola Zanichelli, 1921–1923.
27. Zabughin V. Vergilio nel Rinascimento italiano da Dante a T. Tasso: fortuna, studi, imitazioni, traduzioni e parodie: 2 voll. Vol. 1: Il Trecento e il Quattrocento. Vol. 2: Il Cinquecento.—Trento: Editrice Università degli Studi di Trento, 2000. — 402 pp.; 496 pp.
28. Zabughin V. *Storia del Rinascimento cristiano in Italia/ a cura di Bruno Basile.* — Milano, 1924; Napoli: La scuola di Pitagora, 2011. — 430 pp.